

Еврейский театр

Бар-Кохба — Дер ешиве бохер.

Неделя ничтожных постановок. Недоумение и желание пройти мимо спектакля, не отмечая глубоко и не разглядывая пристально, вызвал бенефис Рубина. В „Бар-Кохбе“, несомненно, при всей ничтожности этой исторической оперетты (еврейская оперетта не довольствуется шуткой; она хочет быть зараз и трагедией, и фарсом, немножко домашней философией и синагогой), есть кое-что, что могло бы сделать ее приемлемой в нашем репертуаре.

Бар-Кохба не только по исторической правде борец и революционер против римского гнета и против национально-религиозной философии жизни, — он и Гольдфаденом был по тому времени трактован, как активная и революционная фигура нового поколения — против традиции. В истории театра есть сведения, что запрещение еврейского театра в России связано было

именно с этой пьесой. В ней усмотрена была „неблагонадежность“ направление против правительства. Так пьеса и жила и принималась в сознание, как жалкое вместилище революционного духа борьбы и протеста.

Но все это надо было разыграть не всерьез и надолго, а в шутку и наскоро. Все позволяет трактовать эту пьесу, как сценическую шутку, как балагурную сказку: сказка — ложь да в ней намек, добрым молодцам урок — вот ее стиль. И ложь, и намек, и урок. Карточные дворцы и темницы, и персонажи, и мечи, и движения — создания наивно-детского сознания и фантазии. О, как любил Гольдфаден бенгальский огонь больше всего на свете и в театре. Вплести героические нити намека в шутивную ткань откровенного балагурства и наивного искажения исторической легенды, разыгранной именно, как и с к а ж е н и е.